

Бонус

18+

Дамиена

Виктория Мальцева

Виктория Мальцева

Бонус Дамиена

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Мальцева В.

Бонус Дамиена / В. Мальцева — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98690-9

Бонус к дилогии "Опиум". Дамиен получает от Евы необычное послание. Оно заставляет его вернуться из поездки домой на день раньше. У Евы есть к нему болезненные вопросы, и Дамиену пора освободиться от груза последних тайн. Будни семейной жизни и ошибки прошлого глазами Дамиена.

ISBN 978-5-532-98690-9

© Мальцева В., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктория Мальцева

Бонус Дамиена

1

Lyla Foy – Left To Wonder (Turtle Rework)

PLGRMS – Fools And Their Gold

Ева: «Я хочу чувствовать тебя в себе».

Ева: «Ощущать, понимаешь?»

Меня бросает в жар. Поднимаю глаза, находясь в экстатической отрешённости, и наталкиваюсь на пронзительный карий взгляд своего друга. Он тут же переключается на недопитое белое вино и задаёт вопрос Жасмин, сути которого я не слышу, потому что на моём экране высвечивается:

Ева: «Нет, ты не можешь этого понять. Тебе не дано быть женщиной, увы. Эти ощущения невозможно объяснить, не передать их словами, но я всё же попытаюсь. Знаешь, говорят, женщина – это сосуд, и, наверное, подразумевают нашу миссию вынашивания и рождения детей. Но мы ведь созданы пустыми внутри, и только мужчина способен заполнить эту пустоту. Мы принимаем вас, мужчин, в себя, но любимого мы жаждем. Наша пустота постоянно напоминает о себе, и ноет, и тоскует, заставляет думать о том, кого любим, чаще, чем следовало бы».

Мы в Барселоне: я, Алекс и директор будущей картины Жасмин – составляем план и график предстоящих съёмок. Сейчас обед, и паэлья с морепродуктами в недорогом ресторане на набережной до этого момента была эпицентром моего внимания. Паэлья так себе, но вид на лазурное море и порт сногшибательный. Уже начался ноябрь и дóма, в Ванкувере, сейчас дождь и холод, а тут, в Каталонии, настолько тепло и солнечно, что днём мы с Алексом, бывает, даже раздеваемся до футболок.

– Хорошо, что нашли подходящую арку, – комментирует Алекс наши сегодняшние результаты работы, – я уж думал, её и в помине нет. А она, оказывается, сохранилась, и цветы до сих пор целы! – смеётся.

– Отличная сцена будет в фильме, впечатляющая: красивая мужская спина, играющие мышцы, цветы и пасмурное небо... Но я уже предвижу адские муки на кастинге! – причитает Жасмин. – Слушай, а ты и впрямь умел вытворять на перекладине то, что описывает твоя жена?

Алекс смотрит поверх очков и с многозначительным видом сообщает:

– Я и сейчас могу!

– Да ладно! – смеясь, подначивает его Жасмин. – Не верю!

– Рано ты меня списала в старики, директор! Вот я одного понять не могу, что вас, женщин, в этом так впечатляет? Ни от Леры не ожидал, ни от тебя, Жасмин! Мужчина просто занимается физическими упражнениями... всё равно, что зубы чистить по утрам!

– Ха! Просто?! Ещё как не просто! Это же помимо эстетического удовольствия ещё и демонстрация силы! Такое зрелище давит на наши первобытные инстинкты – мы ищем здорового самца! – игриво смеётся.

Алекс поднимает брови и переводит разговор в другое русло:

– Сцену с аркой можно снять там же, а вот отель выглядит теперь слишком убого. Нужно искать другое место, но ни дорогим, ни вычурным оно быть не должно.

– Уютным, красивым, недалеко от моря. Плюс терраса, но и её мы можем отснять отдельно, – машинально добавляю, но мысли мои далеко...

Жасмин соглашается, что-то пометая в своём планшете, а мой смартфон оповещает меня о ещё одном сообщении:

Ева: «Ты сейчас далеко, и моя пустота уже замучила меня. Я живу воспоминаниями: момент, когда ты впервые проникаешь в меня, заполняешь собой – это пик наслаждения. Он круче, чем оргазм, серьёзно! Это растянутое мгновение максимальной эйфории, распад тоски и одиночества, предвкушение долгих минут жизни по-настоящему вдвоём. Когда не только души вместе, но и тело одно...».

Чёрт, это бомба. Мы достаточно давно женаты, а в последние годы ещё и завязли в детских хлопотах, но в такие моменты, как этот, я понимаю, насколько живы и все ещё яростны наши чувства. На мне плотные тёмные джинсы, но даже это не помогает: он неудачно лёг в бок и, мать вашу, феерично выпирает, нарушив пристойные пропорции моего тела.

Ева: «Я думаю о тебе, и моя пустота стонет от одиночества. Ты так ей нужен!»

Ева: «Когда приедешь, я хочу, чтобы ты оставался во мне всю ночь».

Мне стыдно от того, как пошло я выгляжу, поэтому снимаю пиджак и бросаю себе на колени.

– Что, жарко? – интересуется Жасмин.

Вульгарный тон, которым задан этот вопрос, вызывает у меня приступ тошноты: решила, наверное, что я смотрю порнушку за обедом.

– Угу, – выдавливаю, стараясь привести в порядок мысли, но память цепко держит: «момент, когда ты впервые проникаешь в меня, заполняешь собой...»

Черт возьми, я прочитал это только раз! Но как же долбануло и намертво въелось в память!

Ева, Ева, Ева...

– Сегодня и впрямь жаркий день! – замечает Жасмин, оценивая меня плотоядным взглядом.

Она не скрывала свой интерес и раньше, но в эту минуту откровенно демонстрирует готовность помочь моей маленькой проблеме.

– Жена прислала сообщение, – говорю, – пишет, что соскучилась.

Лицо Жасмин трагически меняется: фейерверки вождения опадают пеплом разочарования. Она вскакивает, как ошпаренная, заявив, что официанта давно нет, и нервными шагами срывается в направлении дамской комнаты.

Алекс резким движением поднимает свой бокал, я непроизвольно бросаю на него взгляд и вижу едва заметную улыбку:

– Повезло тебе. Мне Лера никогда не пишет подобного, – признаётся.

– Твоя Лера интеллигентная женщина, которая с уважением относится к рабочему времени. Ей хватает ума не обрушивать на тебя вот такую неловкость, – тычу пальцем в складки пиджака.

Алекс с трудом давит смешок:

– Моя Лера – пуританка. Я обожаю свою жену, но много чего отдал бы за такие вот послания от неё, – подмигивает.

– Да ладно! – тру виски. – Откуда тебе знать, что она мне пишет?

– Видел бы ты свою физиономию в тот момент, когда читал... – смеётся. – Я будто на мгновение очутился в вашей спальне!

– Ну и что в этом хорошего?

– Ну, конкретно в этом – ничего. А вот вашим интимным отношениям такая переписка делает очень много добра.

– Вот спасибо!

– Да не за что. Молодец, что отшил Жасмин, кстати. Другие женщины – совсем не то, что нужно твоей Еве. В тебе весь её мир.

– Я знаю! – вспыхиваю.

Конечно, знаю. И всегда об этом помню.

– Когда мы впервые работали вместе, я однажды спросил у тебя, как именно ты справляешься с их напором...

– Да, было такое! – усмехается, снимая свои очки, чтобы протереть их стёкла, но я вижу в этом жесте смущение. – Я ответил, что просто не вижу их.

– Да, именно это ты и ответил, а я не поверил, потому что твоё заявление противоречило мужской природе.

Алекс иронично поднимает брови, водружая свои стильные очки в тёмно-синей оправе на место:

– Почему вспомнил о нём сейчас?

– Хотел сказать, что тебе не нужно беспокоиться о Еве, для этого есть я, во-первых, а во-вторых, я тоже достиг просветления – больше не вижу их.

– Неужели? И давно это случилось? – интересуется, проводя большим пальцем по своей нижней губе, в чём я нахожу признак недоверия.

– Когда впервые увидел её сломленной. Уничтоженной мной.

Мы долго изучаем глаза друг друга, и в той серьёзности, с какой Алекс в меня всматривается, я вижу, что он понял.

– Езжай домой сегодня, – внезапно предлагает мой босс и лучший друг, проживший на этой Земле немного больше меня.

– Работа – есть работа... – пытаюсь возразить.

– Мы закончим и сами, найдём, что требуется, не переживай. Завтра прилетит Лера, и с ней вместе мы выберем необходимое ещё быстрее. А ты езжай к жене.

Всего на сутки раньше, чем запланировано. Есть ли в этом смысл? Конечно, есть. И этот особенный смысл заставляет меня пришибленно улыбаться.

Теперь у меня есть то, о чём всегда мечтал – семья: я счастливый отец и любимый муж. Но получив, наконец, желаемое, я вдруг понял высказывания Алекса о главенствующей роли женщины в жизни мужчины. Он часто говорит о том, что все его смыслы заключены в Валерии, а достижения и дети – лишь производные. И они не играют никакой роли в счастье, если женщина не та.

Моя – та.

2

Beyond the Waves – Eternal

Beving: 432 (Suzanne Ciani Rework)

Я безмерно скучаю по своей семье, особенно по девочкам, и только сейчас во всей полноте осознаю, что в моей жизни с Мел семьи никогда не было. Мы были людьми, заключившими брак, отдавшими дань традициям и религиозному культу. Улыбались репортёрам, друзьям и приятелям, иногда даже друг другу. Позировали фотографам и операторам, ставили «сцены» нашей «образцово счастливой» семейной жизни, чтобы тысячи жён выносили мозг своим мужьям из-за недостатка удовольствий и гламура в их буднях. Мы дурачили публику, расходясь по своим углам всякий раз, как погаснет свет камер. Иногда играли в этой драматической пьесе наедине, притворяясь, что муж и жена: жили в одном доме, спали в одной постели, умудрялись даже душ принимать вместе и иметь полноценную интимную жизнь, но никогда не выходили из своих углов. Или, может быть, только я не выходил. Так и стоял, уткнувшись в него лицом, развернувшись спиной к миру. Спрятав от него душу.

А теперь она живёт, рвётся домой, навстречу близким, самым родным и самым важным для меня людям – жене и детям. Я с упоением наблюдаю за тем, что происходит в моей груди, за переливами радости и щемящей нежности, тянущей тоски и глубинной потребности быть рядом с теми, кого люблю, и кто любит меня. Я нужен, и мне нужны все они: моя Ева и дети. Я привязан, прикован, припаян мыслями и даже клетками, жаждущими близости, объятий, поцелуев на ночь.

Посередине ночи долго жду свой багаж в аэропорту Ванкувера, а его всё нет. Помнится, когда путешествовал один, мне хватало небольшой сумки, но женившись на Мел, вынужден был таскать не меньше трёх чемоданов, забитых шмотками, в направлении «из дома» и около пяти-семи в режиме «возвращаемся домой». Теперь же, будучи четырежды отцом, я сам спешу к близким, занимая целых четыре багажных места – подарки. А подарок для Евы везу в непосредственной близости от своего сердца – в кармане рубашки. Я нашёл его, всё-таки нашёл – того самого продавца на Понте Веккьо во Флоренции. Ездил только за этим. И он узнал меня, этот ювелир по имени Марио. Невероятно, но он меня вспомнил, а ведь столько лет прошло:

– Очень красивая девушка! Очень! Опиум! – восхищается, глядя на меня своими составившимися глазами. – Ты ведь всё-таки женился на ней?

– Конечно.

– А почему просишь такое же кольцо? Потеряли?

– Да.

Потеряли гораздо больше, чем кольцо, Марио. Намного больше. И вернуть это невозможно: время, здоровье, мою дочь Лав. Но кольцо можно выплавить, повторить.

– Через три недели сделаю. Приедешь за ним? Или прислать?

– Приеду, но через две. Добавь за срочность.

– Не надо добавлять: раз сам приедешь, будет готов твой заказ через две недели.

И вот я везу его, спрятав около сердца, но до сих пор так и не решил, имею ли право отдавать. Не станет ли этот диск из золота и красных камней напоминанием? Конечно, станет. Поэтому, пожалуй, пусть оно будет, пусть существует, но только для меня, для моей памяти, чтобы всегда помнил о НЕЙ, о моей Лав.

До дома в Западном Ванкувере добираюсь к пяти утра. Впервые в жизни кусты рододендронов, собственноручно выбритая три недели назад лужайка и страшная ёлка, которую посадил, перепутав саженцы в Canadian Tire, кажутся мне родными. Вхожу тихо, чтобы никого не разбудить, и первое, что со мной случается – бесконечная улыбка: я чувствую запахи своего дома. Да, тут пахнет моим домом: Евой, детьми и хвоей – потому что мои отпрыски, похоже,

заставили Еву в начале ноября купить Рождественскую ёлку в горшке. При виде увешанного гирляндами холла, столовой и лестницы, у которой красуется высоченная, но ещё не украшенная ель (видно, вчера только купили), я улыбаюсь. Сгрузив чемоданы с подарками у стены, опускаюсь на мгновение на пол, чтобы в тишине и темноте перевести дух, насладиться красотой и уютом развешанных по стенам крошечных жёлтых огоньков и осознать, насколько счастливый я человек.

Поднимаюсь вверх, заглядываю в спальни к детям – все четверо ещё спят. Дрыхнут мои маленькие гномы.

Однако, открывая дверь в супружескую спальню, я не могу унять не только пришибленную от радости и предвкушения улыбку, но и ускоренное сердцебиение.

Ева тоже спит, и тоже как беззаботный гном. Я невесомо касаюсь губами её лба, но она не просыпается – продолжает мирно сопеть, смешно подвернув под щекой руку. В этом мгновении я ещё отчётливее осознаю всю силу своей любви к ней и собственную роль в её судьбе – наконец она перестала кричать по ночам. Годы ушли у меня на то, чтобы залечить её раны, но я знаю, что исцелить их полностью мне никогда не удастся. Я буду до самой своей смерти нести этот крест – чувство вины.

Протягиваю руку к её смартфону, выключаю будильник, заведённый на шесть тридцать – разбужу детей сам и сам же развезу их по школам. Пусть Ева поспит ещё немного, дети наверняка измучили её за эти недели, особенно мальчишки.

Дочь бужу первой – именно так поступает Ева, нужно ведь ещё косы заплести. Моя вторая девочка, Альба, не просто ребёнок для меня – она напоминание. Альбе достались мои глаза – каре-зелёные, и Ева как-то сказала, что у Лав были такие же. Я не спрашивал, откуда ей это известно – некоторые вещи мы просто знаем.

– Папа! Ты приехал! – в глазах дочери, хоть и сонных, мгновенно загорается искрящаяся радость. – А мы ёлку купили! Настоящую! В горшке! Она не умрёт долго-долго, а в январе ты посадишь её на заднем дворе! А Дариуса выгнали из школы, но потом приняли обратно! А Джордан плюнул в учительницу, и мама запретила ему мультики на неделю! А мы по тебе очень скучали! Особенно мама! Мама сильно-сильно скучала, даже плакала!

Господи...

– А что ты мне привёз?

– Много всего, но подарки мы посмотрим после завтрака, окей?

А ещё лучше – после школы, но это вряд ли реалистичный сценарий.

– Ура-а-а! А ты купил мне рюкзак с единорогом? А костюм?

– Рюкзак купил, а костюм тебе уже мама купила, – подмигиваю.

Альба надувает губы:

– Он голубой и полосатый...

– А ты какой хотела?

– Розовый, конечно!

– Почему же вы не купили розовый?

– А не было!

– Так и там, где я был, розовых тоже не было! – вру. Костюм спрячем на Рождество под ёлкой – будет подарок от эльфов.

– А русалочий хвост купил?

Господи, это что-то новенькое... Очередная девчачья заморочка, о которой Ева ещё не успела мне сказать. С мальчишками проще – Лего много не бывает.

– Про русалочий хвост я не в курсе, но зато привёз тебе три очень красивых платья из Италии, несколько кукол из Испании с запахом ванили... это когда кукла пахнет, как пирожное... ещё конфеты, новый купальник... два! Книжки...

– Пап, я хочу русалочий хвост и розовый костюм единорога.

- Господи, как же тяжело... Напрягаю свои почти уже сорокалетние извилины и нахожусь:
- Напиши письмо Санте. Да, точно, у Санты однозначно найдётся и розовый цвет, и хвост.
 - С чешуйками?
 - Ты в письме это уточни, а он поищет.
 - А я пишу плохо и с ошибками, – сейчас заплачет.
 - Это ничего, сегодня после школы сядем вместе и напишем. Я помогу.
 - Правда? – трёт красные глаза кулачками.
 - Правда!
 - Пойдём мальчишек разбудим?
 - Пойдём! – подсакивает, мгновенно повеселев.

Да, побудка моих сыновей Джордана и Элайи – тот ещё цирк. Во-первых, нужно умудриться целым и невредимым добраться до их кроватей – кругом снаряды: впивающиеся в ступни Лего кубики, железные модельки автомобилей, магнитный конструктор, но серьёзнее всего покалечиться можно, наступив на металлические волчки – самое последнее увлечение. Чтобы заставить их всё это убрать перед сном, нужно приложить титанические усилия, кино отнять проще, ей Богу. Еву они вообще слушать не хотят, меня боятся, но роль домашнего блюстителя порядка мне не по вкусу.

Альба тормошит Джордана за плечо, он вскидывается на постели сонный – сидит, глаза закрыты, кудрявые волосы спутались и почти полностью скрывают лицо. Из всех детей именно Джордан больше похож на Еву – только ему достались её шоколадно-карие глаза, вьющиеся каштановые волосы и неуправляемый характер. Элайя послушнее, покладистее, к нему тянутся дети, особенно девочки, но он никогда не строит сумасшедших фигур из Лего, не рисует по-настоящему талантливо внутреннее устройство танка – всё это Джордан.

Я убираю с лица сына волосы, целую его в лоб – хоть он трудный ребёнок, но не менее любимый. Элайя уже свесил ноги с постели и радостно смотрит своими зелёными глазами в мои:

- Паааа-паааа!!! – бросается мне на шею. – А мы ёлку купили!!!...

Джордан продолжает спать сидя, и Альба пытается стянуть с него спящего верх пижамы.

- Альба, не нужно ему помогать, пусть проснётся сперва.

– Он же не успеет свои подарки посмотреть!

– Да?

– Да!

– Ну, тогда давай скажем ему об этом!

И Альба орёт Джордану прямо в ухо:

– Джо-о-ордан! Пода-а-арки!

– Пода-а-а-арки!!! – вопит Элайя, напрочь меня оглушив, и уже через секунду срывается в холл.

– Элайя! – теперь уже я воплю ему вдогонку, но это бесполезно – цепная реакция запущена: Элайя, Альба вслед за ним, Джордан с уже открытыми, но ещё полуспящими глазами – впереди всех.

Спускаюсь вниз и наблюдаю за актом вандализма над моими чемоданами – орать бесполезно, одна молния уже сломана.

– Так! – хлопаю в ладоши, зная, что этот звук всегда заставляет детей сосредоточиться, потому что является свидетельством приближения моего терпения к точке закипания.

Не три, а уже четыре пары глаз устремлены на меня (потому что Дариус тоже проснулся и поспешил присоединиться к беспорядкам), и я как можно более солидно оповещаю:

– Подарки после завтрака, и только тем, кто будет вести себя тихо! Мама ещё спит!

– Она приняла успокоительное вчера вечером, – сообщает Дариус.

В моё сердце мгновенно вонзается осколок тревоги:

– Что случилось? – вглядываюсь в глаза своего самого взрослого и серьёзного ребёнка.
– Ничего особенного: эти двое снова подрались, и Джордан наступил Элайя на ухо, оно распухло, мама плакала и мазала его кремом от ушибов.

Фууух... Я боялся более серьёзных проблем.

– Ладно, – говорю, – садитесь за стол, Дариус, доставай тарелки и хлопья, кто будет чай, а кто сок?

Во время завтрака в столовой царила бы почти гробовая тишина, если бы не хлюпающе-чавкающие звуки.

– А ты знаешь, пап, какой у Луны радиус? – пытается завалить меня на лопатки Элайя.

Напрягаю мозг, и он так громко поскрипывает, что я боюсь, дети могут услышать. Какой он там? Четыре тысячи? Или шесть? Господи, как давно это было – школа.

– А! Не знаешь! Не знаешь – не мужик!

– Шесть! – рискую.

– А вот и нет! Она тысяча семьсот тридцать семь! – ликует.

– Шесть – это радиус Земли, пап! – подсказывает Дариус, а я пыхчу, как паровоз.

– А какое животное самое большое в мире? – не унимается всё тот же один из моих троих сыновей.

Но это уже легко, спасибо, Господи, за шанс реабилитироваться:

– Кит!

– А что такое...

Твою ж мать... этот допрос когда-нибудь закончится?

– Сингулярность?

– Вселенная в момент Большого взрыва!

Элайя поджимает губы, Дариус гордо усмехается – не так и безнадежен его отец. Да, в их возрасте я тоже любил канал Discovery, и на этой оптимистичной ноте я задаю свой главный вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.